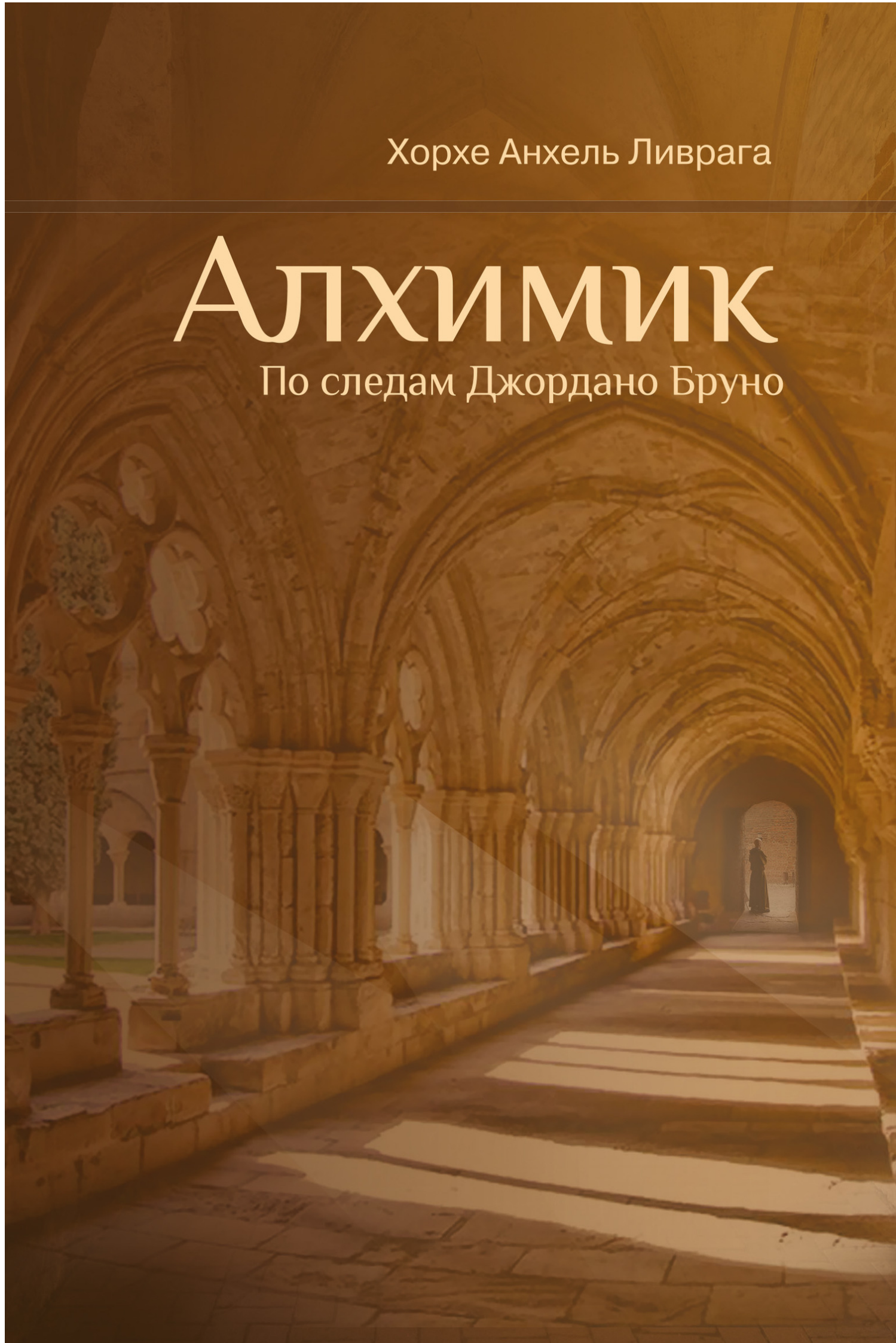

Хорхе Анхель Ливрага

АЛХИМИК

По следам Джордано Бруно

Библиотека «Нового Акрополя»

Хорхе Ливрага

**Алхимик. По следам
Джордано Бруно**

«ИП Карелин»

1974

УДК 82-312.1
ББК 84-44

Ливрага Х. А.

Алхимик. По следам Джордано Бруно / Х. А. Ливрага — «ИП Карелин», 1974 — (Библиотека «Нового Акрополя»)

ISBN 978-5-91896-091-2

«Алхимик» – это исторический роман, действие которого разворачивается в конце XVI века. Талантливый молодой химик, жаждущий мудрости, становится членом герметической ложи. Инквизиция объявляет его и его товарищей еретиками. Жизнь героя полностью переворачивает встреча с Ипатией – как и он, искательницей истины, но он вынужден покинуть ее, чтобы спасти их обоих. Приключения приводят его в Индию и Египет, и в конце концов он знакомится с великим учителем Джордано Бруно, посвятившим его в таинства трансмутации. Он знает, что должен вернуться и поделиться обретенным знанием, но как сделать это, не ставя под угрозу ни свою жизнь, ни жизни тех, кого он любит?.. Роман «Алхимик» – это не только захватывающая история; ищущий читатель сможет многое узнать из него о тайнах утраченной ныне науки алхимии и о тех, кто ее практиковал.

УДК 82-312.1
ББК 84-44

ISBN 978-5-91896-091-2

© Ливрага Х. А., 1974
© ИП Карелин, 1974

Содержание

Глава I. Разговор призраков	6
Глава II. Руины	9
Глава III. Духовное становление	15
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Хорхе Анхель Ливрага
Алхимик. По следам Джордано Бруно
© «Новый Акрополь», 2018

Глава I. Разговор призраков

В Европе до сих пор есть уголки, которые никогда не слышали грохота бомб и гула военных машин, но души их обитателей, будучи субстанцией более чувствительной, все равно знают, что такое страх. На тонком плане человека нет частей, которые им не поражены.

Сценой для этого эпизода мог бы стать любой город в любом государстве... Вот, скажем, это место рядом с французско-испанской границей.

– Отец, а где сегодня пройдет мой урок латыни? У поворота дороги?

– Если я не слишком устану в пути, мы дойдем до одной древней церкви, уже несколько лет заброшенной. Хочешь ее увидеть?

– Думаю, что знаю ее, хотя у меня никогда не получалось подобраться ближе и внимательно ее осмотреть. Да, пойдем туда!

– Если мои ноги с тобой согласятся, через полчаса мы будем там.

Человеку, который произносил эти слова, было на вид лет шестьдесят пять. Он был высок, а благородная осанка и одежда, отличавшаяся элегантною простотой, выказывали в нем душу, отмеченную самым утонченным образованием и высокой культурой. В руке его была трость с набалдашником из рога, оставлявшая рядом со следами своего хозяина пунктирную линию.

Рядом с пожилым господином шел юноша чуть ниже ростом, одет он был так же просто и нес пару книг под мышкой. Его черные глаза всматривались в окружающий пейзаж, улавливая неброскую красоту, которая сохранялась потом в его душе, невозмутимой и древней, несмотря на тело двадцатилетнего юноши.

– Антонио, сынок, – прервал его наблюдения голос старика, – почему ты так спешишь? Если я буду следовать за тобой с той же скоростью, с какой бегут твои ноги, то не доберусь даже до дороги... А мне так хочется, чтобы ты занимался латынью рядом с этими руинами, которые на протяжении веков столько раз слышали божественный язык Вергилия!

– Я и сам загорелся этой идеей, но какое-то смутное предчувствие заставляет меня бояться этого места.

– Что за предчувствие?

– Позволь мне рассказать об этом чуть позже, когда стемнеет.

– Что ж, если ты так хочешь...

В этот момент они дошли до дороги и пересекли ее, в молчании, но радуясь, что уже почти добрались до намеченного места.

На самом деле Антонио не был родным сыном старика, его усыновили в начале великой войны, после того как в Северной Африке погибли его родители. Мальчику тогда было пять лет, и его, раненого, нашел в руинах одного отеля для европейцев тот самый человек, который впоследствии усыновил его. Добрый господин назвал мальчика Антонио, чтобы, насколько возможно, стереть из его памяти все страшные воспоминания. Он обеспечил ему отличное образование в лучших колледжах Англии, где в то время и учился юноша, получая степень по философии.

Антонио использовал каникулы, чтобы провести несколько месяцев в уединенной усадьбе своего благодетеля, обладателя обширного состояния и еще более обширной культуры и душевных добродетелей. Юноша слушал его рассказы о путешествиях по Африке и Азии и наполнял душу нежной голубишной небой в горах и безмятежной жизнью у их подножия.

Обогнув каменную крепостную стену, они увидели вдалеке руины церкви. Антонио еле заметно вздрогнул, но ускорил шаг. Старик молча наблюдал за ним. Когда они углубились в долину, туда, где возвышалось полуразрушенное здание, он сказал:

– Этот храм, скорее всего, был построен в XIII или XIV веке, хотя более поздние перестройки изменили некоторые его изначальные детали; пять лет тому назад его уничтожил пожар, с тех пор он заброшен и с каждым днем все больше разрушается и гибнет в зарослях сорняков. Только его башня все еще стоит, словно окаменелый монах, совершающий запретный молебен.

– И правда, отец, здесь все дышит какой-то тайной драмой, но я никак не могу ее разгадать... Центральный неф совсем разрушен, от него остались только огромные обугленные деревянные балки; вместо облаков ладана их обволакивает грибок. Эта высокая башня уже вся потрескалась, а ее пристройки, сплошь заросшие кустарником и кишачие ящерицами, напоминают мрачные декорации какой-то дьявольской пьесы...

– Жители соседнего городка, даже самые молодые и легкомысленные, стараются избегать этого места в долине; они уверяют, что сюда по ночам приходят ведьмы из деревни, чтобы собирать ядовитые травы и послушать зловещие советы из уст призраков.

– Думаю, в таких слухах немало выдумок, но все же какие-то основания для них существуют.

– В любых суевериях или слухах есть какая-то доля правды...

Слова старика отдались эхом под каменными сводами бокового нефа, и показалось, что они вызвали к жизни тысячи спящих теней.

Антонио оглядел руины и ближайшие к ним сооружения, от которых остались только фундаменты.

– Здесь когда-то было большое селение? – спросил он у своего покровителя.

– Да, именно так. Университетский городок. Величественные руины, которые ты видишь на склоне горы, – это остатки старинного замка IX века. От него сохранились только часть стен и фундамент. Этот замок – словно образ закона Природы, правящего нами, но со временем Природа всегда побеждает. Тяжелые глыбы и откосы, высеченные в скале, постепенно становятся частью горных склонов, разрушаясь и покрываясь молодым лесом... А теперь бери свои книги и начинай читать, я буду исправлять твои ошибки.

Через несколько часов, когда лучи заходящего солнца уже воспламенили горизонт, они закончили читать и комментировать классиков.

Антонио взглянул вверх и, слегка побледнев, указал на купол башни.

– Что странного ты там увидел? – спросил его старик.

– Отец, быть может, это злая шутка моего ума, но, когда отблески закатного солнца падают на эти стены, мне кажется, что они мокры от крови, и пятна эти чернеют и расширяются... Я уже несколько раз наблюдал это – с дороги, огибающей долину, и что-то во мне, что-то скрытое в глубине моей души, содрогалось и трепетало...

Вместо ответа старик долго и пристально смотрел на юношу, прежде чем спросить:

– Нет ли у тебя какого-нибудь предположения, пусть даже самого смутного, в чем причина такого потрясения?

– Нет, отец. Дело даже не в том, что мне не нравится это место; напротив, оно меня очень притягивает, и моя душа с радостью представляет все те эпохи, которые видели эти стены; меня очень трогает плющ, который, как саван, милосердно укрывает этот огромный каменный труп. Но когда я вижу эти кровавые пятна, эти блики солнца или что это там на самом деле, меня охватывает странный страх, а сердце сжимается в тоске и тревоге, словно я пережил страшную трагедию. И тогда мне очень хочется убежать отсюда, и я с облегчением считаю шаги, которые отделяют меня от этого места.

И вновь старик долго молчал, не выказывая при этом ни малейшего удивления.

– В подобных вещах, сын мой, множество теней и проблесков света так и остаются скрытыми от глаз воплощенных смертных.

– Наверное, так и должно быть, отец...

Антонио собрал свои книги, а его отец подтянул повыше серый шарф. Ночные тени выбрались из привычных укрытий и расползлись по маленькой долине.

Старик и юноша, погруженные в свои мысли, скоро превратились в две маленькие точки на дороге.

Дневное светило скрылось за горизонтом, опустились сумерки, и с наступлением ночи среди камней возродилась жизнь, но жизнь уже иная. Она развивалась во мраке, не признавая другого светила, кроме Луны. Ночные птицы и летучие мыши перелетали от капители к капители, от арки к арке, от руины к руине, словно зловещие черные ангелы, несущие послание от одного проклятого мира к другому. Из каждой расщелины раздавался неясный шум тысяч голосов.

Постепенно владычица ночи заняла свое место на небе, и стали появляться какие-то существа, похожие на сгустки тумана, которые описывали в своем движении маленькие круги, пока вновь не растворялись в воздухе, холодном и влажном.

Из пролома за разрушенным главным алтарем появилась тень, напоминавшая человека. Она медленно направилась навстречу другой тени, которая поджидала ее посреди обугленных молитвенных скамеек, усеянных желтоватой грибной плесенью.

– Ты уже здесь... – прошептала первая тень.

– Ты его слышал? – спросила другая.

– Да. Это он, у меня нет сомнений.

– Но он ничего не помнит...

– Повезло ему! Когда же нас наконец-то освободят от этого страшного проклятия – от необходимости помнить?

– Так ты до сих пор хочешь счастья?

– Я хочу только спокойствия...

– Он тоже его хотел бы, и для себя, и для всех, и мы это обеспечим, ему уж точно.

Конец этой фразы сопровождался неприятным смехом, похожим на хруст сухих листьев.

– И что, будем вспоминать за него? – спросила тень.

Другая ответила:

– А что еще нам остается? Вспоминать всё и, закончив вспоминать, начинать заново. Вспоминание убивает жизнь, но зато рождает другую форму существования, от которой очень трудно избавиться.

Две тени, двигаясь по разрушенным галереям и переходам, постепенно растворялись в воздухе, но их жалобный шепот, заглушаемый шумом крыльев летучих мышей, продолжал откликаться эхом во всех уголках этого печального места.

Глава II. Руины

Бурление пузырьков в старинных ретортах обладало для Пабло Симона такой же таинственной силой, как пение сирен; этот звук вырывал его из бездонного и непостижимого внутреннего моря и пригвождал к скалам реальности, к грубому континенту материального. Но очень скоро незримые вестники горизонта, словно морские ветры, напоминали ему о внутренней природе его души-путешественницы.

Он поднял глаза к оконцу, куда уже заглядывали первые звезды. Вещество, над которым он трудился, было уже почти кристаллизировано. Затем предстояло снова погрузить его в железную емкость.

«Этот раствор подобен великой душе, – подумал он, – из него появляются тысячи кристаллов, потом они соединяются и растворяются в первоначальной субстанции, и так происходит до тех пор, пока все это не превратится лишь в прозрачную, чистую жидкость...»

Убаюкивающая песня сосудов с жидкостью перестала волновать его, он разогнул спину и оторвался от инструментов, горна и реторт. Затем снял тяжелый кожаный фартук и рубашку аспидного цвета.

Едва он вышел в свежесть ночи, спертый воздух подземной лаборатории сразу же выветрился из его груди, и он почувствовал себя будто омытым с ног до головы.

Он двинулся вперед, и его медленные шаги слились с торопливыми шагами юных студентов, отправлявшихся на поиски приключений и хорошего вина.

Молодого химика – сейчас ему было двадцать девять – никогда не привлекали бурные развлечения; хотя несколько раз, исключительно под влиянием своих товарищей по учебе, он и вкусил их, но не ощутил ни радости, ни воодушевления, и ему пришлось все это изображать. Очень скоро, став увереннее, он начал выбирать досуг по своему вкусу, пусть его приятелям это и казалось глупыми причудами угрюмого и странного юноши.

Он много читал; долгие ночные часы проводил он под сенью прекрасных сосен, вдыхая их аромат. Обратив свой взгляд к звездам, этим удивительным глазам неба, сияющим и живым, будоражившим души людей, он часто всматривался в них, словно пытаясь раскрыть их самые глубокие секреты.

Когда Пабло Симон дошел до одного из своих любимых укрытий, церковный колокол издал десять звонких нот; здесь, вдали от мира людей, он начал размышлять о собственной природе и о природе многочисленных сынов Божьих, окружавших его.

Вот уже много лет этот замок, построенный на фундаменте древнего римского укрепления, был заброшен и разрушен, уцелели только его массивные стены и какая-то покрытая трещинами башня.

Прислонившись к остаткам стен, Пабло Симон как будто перенимал неподвижность окружающего пейзажа, впитывал его, пытаясь проникнуть в тайну почтенных камней. Иной раз, забравшись наверх, на аркаду, опирающуюся на римские колонны, он, словно новый столпник, созерцал дракона своих страхов и сомнений, побежденного на какое-то время разумным порывом души. Порой он раздвигал нагроможденные осколки плит, чтобы провести рукой по гладкому мрамору какой-то статуи, гадая, кто прикоснулся к ней последним, – может, та самая дама, воплощенная в камне, а может, во времена славы древней империи ею любовался благородный воин...

У его ног одна цивилизация покоилась на другой. Одни стены видели солнце еще во времена цезарей, другим было от силы пять веков; но сейчас, посеребренные луной, все они были лишь грудой обломков.

Пабло Симону стало холодно. Дыхание ночи в середине ноября было морозным, ночной ветер пел в расщелинах руин печальные баллады и возвышенные литании на странном

языке. Когда он стоял посреди большого внутреннего двора, наполовину разрушенного кустарником, ему казалось, будто в боковых галереях все еще слышится топот стражей, а мерцающие огоньки, любопытствуя, прижимаются к оконным проемам.

Он пошел по разбросанным камням, а они жалобно стонали и кряхтели, будто его шаги мешали их безмолвному возвращению в Природу, лишали их неоспоримого права умереть в тишине.

Его мысли улетели далеко от земных шорохов. Действительно ли душа абсолютно бессмертна? Если так, тогда она абсолютно беспредельна и свободна... Но – и тут его мысль с роковой скоростью камня в пропасти рухнула в реальность – почему тогда существуют запрещенные знания, религиозные войны, люди, проливающие кровь во имя Бога? Каждая сторона заявляет, что пользуется особым божественным покровительством. Но мог ли один и тот же Бог стать источником противоположностей? Если же одна из сторон ошибается, неся Божественное в самой себе, как можно одновременно отрицать и утверждать это? Или Создатель всего сущего был страшным безумцем, космическим ребенком?

Все эти сложные рассуждения неизбежно заканчивались столкновением разума и авторитета. Но сколь жалкими были те, кто считался духовным авторитетом в его окружении!

Молодой человек устроился на развалинах портика часовни и представил себе день, который ему предстояло начать через несколько часов. Он придет в приходское училище, где на занятии по химии и математике его будут ждать ученики. Сначала надо будет поприветствовать ректора. Затем наставлять два десятка юнцов, полуночников и забияк, для которых единственной наукой о цифрах была наука игры в кости, а лучшей химией – возможность заполучить любовное зелье. Таковы были эти студенты, эти мыслители, будущие профессора, наставники молодежи, мастера философского и абстрактного мышления...

Вдруг Пабло Симон вскочил на ноги. По ночам ему не раз казалось, что на стенах и грудах обломков видны отблески факелов; он считал это каким-то обманом зрения или фосфорическим свечением погребенных тел, но сейчас видение было слишком явным и близким, чтобы отмахнуться от него.

Из глубокой трещины, пересекавшей плиты пола, несколько мгновений пробивался яркий свет. Пучок света двигался, как бывает, когда кто-то медленно несет факел. В три прыжка он оказался у трещины; она была темной и слишком неровной, чтобы через нее можно было что-то разглядеть, но в ледяном воздухе ночи раздавался неясный шум, похожий на голоса.

Пабло Симон не верил в призраков и колдовские чары, не верил он и в страшные истории о сборищах чудовищ, о вселяющихся в трупы злых духах, которые выглядят как живые и проводят жуткие обряды, поработав всех, кроме добрых христиан. Но все же холодные руки страха начали сжимать его сердце.

Несколько минут он никак не мог решить, уйти ему, будто он ничего не видел и не слышал, или же разведать, кто ходит по подземельям и катакомбам древней крепости.

Глухое, уединенное место отнюдь не побуждало к отважным поступкам, но дух исследования и какое-то потаенное желание, которого он сам не в силах был постичь, заставили молодого химика остаться и никуда не уходить до тех пор, пока он не раскроет эту тайну.

Он проник в помещение, которое когда-то было нефом часовни, и с большим трудом подобрался к почти не поврежденному алтарю; в самом сердце тишины, словно хрупкий цветок надежды, расцвел шум голосов. Пабло Симон крадучись обошел ступени алтаря и между плит пола различил мерцающий свет, пробивавшийся снизу; он ощупал плиту и с удивлением обнаружил, что она была не такой уж тяжелой, хотя и выглядела внушительно. С большим усилием он все-таки смог ее сдвинуть, и руки ему обдало теплым воздухом. Проем, скрытый плитой, оказался нисходящим туннелем, вниз вела тщательно сработанная каменная лестница;

в нескольких метрах от нее с потолка свисала большая масляная лампа, освещающая ступени, которые упирались в другой, горизонтальный, туннель.

Он стал спускаться и понял, почему плита, игравшая роль двери, была такой легкой: снизу она была выдолблена и напоминала перевернутый ящик. Сделав несколько шагов по горизонтальному коридору, он вынужден был снова спуститься по лестнице, которая привела его в огромный подземный зал; этот зал был полуразрушен, в него обильно просачивалась вода; пространство едва освещалось последней лампой, находившейся внизу лестницы.

Отважный порыв молодого человека все еще не иссяк. Он увидел какой-то проем в глубине зала, откуда шло слабое свечение. Пабло Симон призвал на помощь всю свою храбрость и, с подозрением озираясь на мрачные стены, окружавшие его, отправился навстречу своей судьбе. Отверстие образовалось после падения одного из тяжелых каменных блоков и находилось на высоте более пяти метров, поэтому ему пришлось вскарабкаться на гору обломков, но даже так он не смог добраться до проема. И тут он замер, услышав звучный и ровный голос, похожий на звук колокола. Голос произнес:

– Абракасас – это петух, а петух поет перед рассветом, – и словно хор глубоких голосов ответил ему.

Удивленному и взволнованному молодому человеку показалось, будто сама Земля ответила на зов Неба. Он сосредоточил свое внимание на смысле услышанной фразы, но не успел задуматься, как его ноги оказались опутаны чем-то вроде мешка, а мощный удар по голове отправил его в черную яму бессознательного.

Первое, что он почувствовал, очнувшись, была острая боль в затылке и шее; потом он понял, что лежит, и открыл глаза. Рядом с ним стоял человек, одетый в белое; сначала Пабло Симон решил, что это какой-то послушник, а сам он сейчас дома или в приходском училище, но тут же заметил, что голова человека скрыта капюшоном с прорезями для носа и для глаз.

– Где я? – спросил он, пытаясь приподняться со своего ложа. Но что-то резко дернуло его за левую руку, и он упал на спину, только тогда поняв, что прикован.

– За что меня схватили? Кто вы? – спросил он с негодованием и в то же время со страхом.

– Успокойся, брат, – попросил человек в капюшоне, положив руку ему на грудь. – Ты в подземной келье под теми самыми руинами, куда приходишь по ночам. Здесь у меня нет человеческого имени, а имя, которым меня называют в этих подземельях, я не могу тебе назвать, да и ни к чему тебе его знать. Лежи спокойно, с тобой кое-кто хочет поговорить.

Он позвонил в серебряный колокольчик, и в комнату вошел другой человек в точно таком же одеянии. Оба разговаривали очень тихо.

Тем временем Пабло Симон отчаянно пытался собраться с мыслями. Кто эти люди в капюшонах? Хотя они ударили и заковали его, но говорили очень доброжелательно, в их речи чувствовалось невероятное внутреннее спокойствие. Они были больше похожи не на злых духов, колдунов или разбойников, а на жрецов-аскетов, исполнявших какой-то обряд или епитимью.

Рассуждения узника прервал его белый страж, предложив ему чашку бульона, несколько кусков хлеба и сыр. Приглашение было столь любезным, что молодой человек охотно принял его и, пусть и без особых удобств, съел свой скромный обед.

– Сколько я был без сознания? – спросил он.

– Около шести часов, брат; но мы тебя осмотрели, и будь уверен, у тебя нет никаких серьезных повреждений.

– Шесть часов! Отец Педро будет в ярости; я еще ни разу не пропускал свою преподавательскую работу в приходском училище...

– Не переживай, Пабло Симон, отдохни. Я скоро вернусь.

С этими словами человек в капюшоне вышел из маленькой комнаты.

Оставшись один, юноша поначалу вернулся к своим размышлениям, но вдруг вздрогнул. Человек в капюшоне назвал его по имени, а ведь прошлой ночью, когда его застали врасплох, на нем не было ничего, что позволило бы его узнать.

«Возможно, кто-то со мной знаком, или меня узнали, пока я спал», – подумал он.

Затем Пабло Симон оглядел помещение. Меньше трех метров в длину и ширину, еще меньше – в высоту; из мебели – только деревянная кровать, на которой он лежал, и два стула. Окошко под потолком с трудом справлялось с ролью отдушины и слухового окна, однако даже в полутьме юноше удалось внимательно рассмотреть своего опекуна. Высокий, худощавый, тот был одет в простую льняную тунику с капюшоном, полностью скрывавшим его лицо. На груди, слева внизу, он носил небесно-голубой крест, почти как обычный, но что-то в этом кресте не давало покоя Пабло Симону.

– Да ведь это не просто крест, это развернутый куб! – воскликнул он.

Наконец-то в его уме хоть что-то начало проясняться. А не ложа ли это белых магов, или, может, секта морально неиспорченных христиан, соблюдавших столько предосторожностей, чтобы избежать инквизиции?

Эти мысли приободрили его, он закрыл глаза и задремал, но через несколько минут шум двери, с трудом двигавшейся в проеме, вернул его в сознание. На него смотрел, видимо, тот же самый человек в капюшоне. Наконец он спросил:

– Готов ли ты к долгой беседе? Ты хорошо себя чувствуешь, брат?

– Достаточно хорошо для прикованного, – с досадой ответил Пабло Симон.

Человек, задавший вопрос, уступил место другому, в таком же облачении, но последнего отличал какой-то золотой треугольник посередине лба.

– Мир тебе, брат Пабло Симон Фосолето! Я слышал твои последние слова...

Молодой человек смотрел на него, не в силах скрыть удивления.

– Я отвечаю тем же на ваше любезное приветствие, кем бы вы ни были. Но откуда вам известно мое полное имя? Ваш голос мне как будто бы знаком.

– Не обременяй себя знанием того, под каким именем я действую во внешнем мире, мире «мертвых», – оно ничего тебе не даст.

– А могу ли я узнать, почему меня сковали?

– Что за странное существо человек! Стоит связать ему руки или запереть на пару дней, он отчаянно рвется на свободу; но, связывая себя самого и отдавая в плен собственным страстям, порокам и невежеству, он наслаждается. Он превратил свой земной проводник из обиталища в темницу и, влюбившись в собственные страдания, делает все возможное, лишь бы не покинуть ее...

– Судя по тому, как вы говорите, вы доктор теологии, а возможно, кардинал или епископ; но я сейчас нахожусь в слишком неловком и неприятном положении, чтобы вести метафизические беседы; мне кажется, уже перевалило за полдень...

– Поверь, ты можешь забыть о своем приходском училище. Сделай милость, отвечай на мои вопросы как можно искреннее и правдивее, от этого зависит твоя жизнь. Нас ведет тот же идеал, что движет Солнце и планеты по их небесным орбитам, и мы любой ценой должны избежать провала. Твоя безопасность – в твоих руках; если будешь говорить мне правду и вести себя тихо и смиренно, с тобой ничего не случится и ты не встретишь никаких затруднений.

Слова человека в капюшоне были исполнены такой воли и такого благородства, что молодому химику стало ясно: собеседник не замедлит их выполнить.

– Я уступаю силе; слушаю тебя и обещаю быть покорным, тем более что мое положение к другому и не располагает.

Странный посетитель присел у ложа и спросил:

– Тебя зовут Пабло Симон Фосолето, не так ли?

– Да, так.

– У тебя будет другое имя. Твое земное имя претерпит трансмутацию в день твоей свадьбы с «Софией»; у тебя все еще есть шанс.

Молодой человек посмотрел на него с изумлением и спросил:

– Что за трансмутация? Не думайте, что я, подобно невеждам, считаю, что София – это суккуб с соблазнительными формами, с которым, как говорит отец Педро, пребывают в греховной связи все, кто не учится и не молится по указанию Церкви. Я знаю этимологию этого греческого слова и его значение: мудрость, или целостное знание. Но что же вы хотите со мной сделать?

– Меня радует твоя эрудиция и свободомыслие. А что сказал отец Педро, когда ты описал ему все, что видел и слышал ночью в этих руинах?

– Я никогда не обсуждал этого с отцом Педро! С какой стати?..

– Подожди! – прервал его человек в капюшоне. – Ты ни с кем не говорил об этом?

– Нет! С какой стати мне было говорить? Я ни разу не видел и не слышал ничего особенного, пока вы не схватили меня; я думал, это мои галлюцинации или просто фосфорическое свечение.

– Ты понимаешь, что если обманешь меня, то заплатишь высокую цену? – голос человека в капюшоне стал суровым, и Пабло Симону стало неудобно на своем ложе. Наконец он ответил:

– Да... Я почему-то чувствую, что навсегда лишился свободы, а возможно, и жизни... Но я не лгу.

Сквозь окошко виднелись кровавые отблески закатного солнца на облаках, и тени кельи, словно жадные вампиры, росли и росли, изгоняя последние лучи света.

Человек в капюшоне, казалось, задумался, а молодой химик грустно смотрел в каменный потолок. Но вот молчание прервал решающий вопрос:

– Что ты услышал у стены древнего подземного двора?

– Я ничего не понял; возможно, в этих словах не было смысла...

– Мне не важно, понял ты или нет! Что это были за слова?

– Что-то вроде «Абракас – это петух, а петух поет перед рассветом».

– Это всё?

– Всё...

– Ты ничего не видел?

Пабло Симон покачал головой, но человек в капюшоне переспросил:

– Никакого действия? – при этих словах он достал медальон, висевший у него на шее и скрытый одеждой. В центре медальона виднелась фигура человека с головой петуха, одна его рука воздевала овальный щит, другая – копьё. Фигуру окружали древнееврейские знаки и египетские рисунки. Было похоже, что медальон сделан из золота, инкрустированного синей смальтой и бриллиантами.

– Я ничего не видел, и никогда не видел ничего подобного... Что означает это изображение?

– Многое. Это символ Бога, у него триста шестьдесят пять добродетелей.

– Как дней в году...

– Ты умен, Пабло Симон! Теперь ты знаешь более чем достаточно, чтобы нас сожгли, расскажи ты об этом инквизиторам.

– Я ненавижу инквизицию, наверное, так же сильно, как и вы! Три дня назад они сожгли на городской площади маленького сына башмачника Николаса за то, что у него были нервные припадки, которые повторились во время обряда изгнания бесов. Когда он закричал на костре, мать пробралась сквозь строй конных стражников и попыталась его спасти. Тогда один из судей приказал бросить ее в огонь, мол, ею тоже овладел дьявол. А пока бедную женщину копьями заталкивали в костер, эти волки в одежде пастырей поднимали кресты и распевали фразы на латыни.

– Я тоже был свидетелем этой драмы, Пабло Симон, но нас должна объединять не ненависть, а любовь. Ты изучишь наши доктрины, и тогда возродится твоя вера в Иисуса Христа.

– А как же мои лекции в училище и химические исследования? Что я скажу, если вернусь через месяц или через год? Что я путешествовал? Я не смогу им ничего объяснить, и эти фанатики решат, что я стал невидимкой... Меня сожгут!

– Ты не можешь никого сжечь или сгореть сам; твоё тело – да, может. Но не волнуйся, с тобой ничего плохого не случится, – ответил спокойным голосом человек в капюшоне и, позвав, видимо, своего ученика или помощника, приказал освободить руки и ноги молодого химика от оков.

Спустя несколько минут тяжелые дверные запоры задвинулись, и Пабло Симон остался один, наблюдая за танцем черных теней, отбрасываемых на стены большой сальной свечой.

Он не знал, что ангел судьбы ведет его сейчас к самому удивительному приключению, доступному человеку, – к путешествию в глубь самого себя.

Он проснулся среди ночи, бормоча:

– Я должен освободиться из этих руин...

И словно далекое эхо повторило его слова, но смысл их изменился. Эхо говорило об освобождении души от рабской жизни, полной моральных и интеллектуальных ограничений, которые были свойственны ему до сих пор. Возможно, только этой ночью Пабло Симон научился «слышать»...

Глава III. Духовное становление

Дни проходили за днями, стирая своими невидимыми руками все земные страхи и опасения Пабло Симона. Иногда они приносили ему удивительные подарки: то вдруг исчезнет какое-то сомнение, то на несколько минут его посетит глубокое внутреннее спокойствие, то, созерцая рассвет и позабыв о мирских занятиях и обязанностях, он вдруг испытает чистую радость.

Постепенно его заточение становилось все более добровольным; ему уже позволялась полная свобода в некоторой части подземелий и относительная свобода – под присмотром его стражей – наверху, среди руин. В последнем случае его прогулки заканчивались с восходом солнца, ведь они должны были оставаться тайной для тех немногих горожан, что забредали в эти уединенные места.

Глубоко в его сердце начала расти надежда, как прорастает из зерна хрупкий, но могучий стебель; в силу того же божественного закона его внутренние стремления перерастали его самого, становясь все более сильными, и в своем апогее превращались в скрытый пока образ кроны свершений.

Многое вызывало у него живой интерес, и прежде всего – личность таинственного человека в капюшоне, видимо одного из главных здесь, который расспрашивал его в первую ночь. Его голос казался Пабло Симону знакомым, хотя звучал не совсем естественно, как будто был изменен. Удивляла его и забота, которую по отношению к нему проявляли, удивлял и тот факт, что братство, насчитывавшее около полусотни членов, хотя и не располагало никакими видимыми денежными средствами, тем не менее имело все необходимое: еду, одежду, медикаменты, книги и инструменты. Он не раз видел огромные корзины с продуктами и дорогими лекарствами, которые потом оставляли где-то в городке для нуждающихся. Такая необычная милостыня приобретала особое значение, когда предназначалась семьям, обездоленным инквизицией. В таких случаях добавляли еще одежду, книги и небольшие суммы денег.

Пабло Симон знал, что подобные пожертвования делались без оглядки на политические, социальные и религиозные различия. Если кто-то действительно нуждался, это уже само по себе давало ему право на помощь логи. Молодой человек помнил, как неприязненно обычно толковали все эти дары в приходе, приписывая им дьявольское происхождение и низкие цели, и с грустью размышлял о том, среди какого лицемерия и моральной нищеты ему пришлось жить.

Восхождение на горную вершину не дает подлинного ощущения высоты, если над головой не видно других гор, вздымающихся над облаками, а внизу не темнеют мрачные ущелья. Так и Пабло Симону необходимы были вершины знания и пропасти воспоминаний.

Он довольно прилично знал произведения Аристотеля, чей «Органон» был краеугольным камнем философии того времени. Схоластика многое позаимствовала у славного ученика Платона в том, что касается формы изложения и силлогистики, но всегда руководствовалась неизменным постулатом «Magister dixit» (Так сказал учитель) – памятником человеческому тщеславию под маской непогрешимости.

С помощью членов загадочного братства молодой человек подробнее познакомился с трудами Платона, которого те, кто возвысился до его толкования, называли божественным. Раньше он читал только отдельные диалоги и маленькие фрагменты «Государства», а теперь мог пользоваться более полными сводами его трудов без утомительных дополнений и комментариев переводчиков, которые впадали в апологетику и вкладывали в уста любимого ученика Сократа такое, что ему никогда и в голову бы не пришло.

Благодаря такому свободному чтению он незаметно для самого себя начал мыслить так же свободно. Ему больше не чинило препон лицемерие под личиной добродетели, когда грех,

стоит лишь прикрыть его монашеской рясой, обретает черты благородства и высокой нравственности. До смерти устав от всей этой лжи, теперь он поглощал книги по пятнадцать часов в день.

Однажды его опекун принес ему Библию современного образца, однако молодой человек отказался ее взять, сказав, что в сравнении с древнегреческими трактатами она ничего не стоит. Наставник помолчал, глядя на него, а потом спокойно и строго произнес:

– Надеюсь, ты не обидишься на мои слова, но вынужден заметить, что ты ведешь себя так же глупо, как человек, который отвергает, скажем, прекрасное изделие ювелирного искусства лишь потому, что не смог стереть грязь, его покрывающую... Так что, Пабло Симон, научись очищать эту драгоценность, и я уверяю тебя, что в определенном смысле эта книга не менее ценна, чем произведения Платона и Аристотеля.

– Но что же в ней прекрасного? Я читал и перечитывал ее множество раз и знаю практически наизусть. А сейчас, когда мой разум избавился от страхов и я могу мыслить свободно, я вижу, сколько в ней противоречий и выдуманных историй, фантастических и бесполезных. К тому же каждый церковный собор что-то из нее выкидывает или добавляет...

– Разве я сказал: «Вот тебе чистая, совершенная и сверкающая жемчужина»? Я лишь даю тебе совет: очисти как можно тщательнее то, что у тебя в руках, и ты обретешь нечто столь ценное и столь совершенное, какое только может создать человек.

– Ты сказал «человек»? – удивился Пабло Симон. – Что-то я не понимаю – я никогда не смотрел на Библию как на творение человека, а всегда воспринимал ее только как Божественное творение. А когда и в это перестал верить, уже не мог найти в ней ничего заслуживающего внимания.

– Ты как ребенок, который наивно верит, что его отец-врач может вылечить любую болезнь. Обнаружив, что это не так, он впадает в другую крайность и больше не видит в своем родителе ничего хорошего. Но если этот ребенок чуточку подумает и обратится к истине и справедливости, ему придется признать, что, хотя раньше он и преувеличивал отцовские способности, однако отец все-таки в состоянии лечить кое-какие болезни, а многие другие – облегчать.

Пабло Симон улыбнулся, услышав такую аналогию, и попросил объяснить подробнее.

– Мы еще об этом поговорим, – последовал ответ, – однако я бы хотел, чтобы ты забыл про апологетику и про все эти холодные, формальные рассуждения. Лучше обратиться к здравому смыслу, к искренности, к прямым в своей основе мыслям, даже если они не будут следовать строгим аристотелевым канонам.

– Мне это нравится больше...

– Вот и отлично. Когда зайдет солнце, тебя найдут и проводят ко мне.

Никогда раньше ход небесного светила не казался молодому человеку таким медленным. Вопросы, что жили глубоко в его сердце, смутные атавистические страхи, рассуждения, которые только начинали сопутствовать его горячему стремлению возвыситься над сомнениями, – все это наполняло его душу беспокойством. В глубине души он хотел найти подтверждение тем истинам, которым следовали древние христиане – ученики Учителя, а его отношение к Святому Писанию было лишь криком отчаяния, несколько приглушенным милосердным Платоном.

После скромного ужина – образца простоты и умеренности, царивших в этой необычной общине, – настало время встречи.

Когда его вывели из подземелья, он полной грудью вдохнул аромат ранней весны. Шел девяностый день его пребывания здесь, и апрель 1578 года еще только начинал свое движение к смерти.

Тот, кто ожидал его, стоял шагах в двадцати, созерцая гористые склоны, где мерцали огоньки – окна сельских домов с бедно накрытыми столами, отличавшихся удивительной

чистотой и простотой. Его одеяние было серым, как и капюшоны еще нескольких братьев, отдыхавших среди руин. В такой одежде их невозможно было различить даже за тридцать шагов. И хотя выглядели они необычно, их легко можно было бы принять за монахов какой-то малоизвестной секты.

Молодой человек медленно подошел к указанному ему месту.

– Мир тебе, Пабло Симон.

– Мир и вам.

Они стояли под высокими, поросшими мхом стенами молча и неподвижно, как силуэты на огромном полотне, нарисованном сепией. Черная безлунная ночь расцвела звездами, которые таинственно мерцали на небе.

Человек в капюшоне мягко взял юношу за руку и вместе с ним отошел туда, где полуразрушенные колонны еще несли на себе отпечаток бывшего величия.

– Так рушатся творения людей, когда время или собственные несовершенства делают их бесполезными. Так же гибнут религии, исполнившие свою миссию. Однако запомни, Пабло Симон, что, подобно тому как на месте упавших колонн возводят новые строения, на смену умершей религии приходит другая. И эта другая религия – независимо от ограничений эпохи и географического расположения – является воплощением той же насущной потребности и истекает из того же источника. Поэтому все они в одинаковой мере божественны, а их большее или меньшее совершенство зависит от проводника – назовем его Учителем. И от взаимопонимания и взаимодействия между его учениками.

Произнеся эти слова, человек в капюшоне пригласил его присесть на камень. Теперь они совсем слились с окружающим пейзажем. После недолгого молчания молодой человек спросил:

– Если христианская религия уходит своими корнями в иудейскую, что несомненно, то почему иудаизм до сих пор существует? Ведь христианство пришло на смену этой древней религии, а в большинстве существенных вопросов эти доктрины противоречат друг другу.

– Скажи мне, милый юноша, ты видел, как в море умирает река?

– Нет, но я знаю, как это происходит.

– Тогда тебе должно быть известно, что отделить пресные воды от морских очень трудно. В устье различие очевидно, но в нескольких километрах от берега ощущается уже лишь слабый привкус пресной воды.

– Я про это читал.

– Иными словами, существуют переходные, «наполовину морские» зоны. Так же и религия, например иудейская, породив христианство, и дальше живет собственной жизнью, исполняя свою миссию для какого-то количества верующих. И точно так же через пятьсот или тысячу лет в лоне христианства появится новая религия, и она на протяжении столетий будет существовать рядом с той, которая ее породила и которая будет постепенно распадаться на многочисленные конфессии. Это закон, что правит нами, и его исполнение – лишь вопрос времени.

– Думаю, это очень вероятно и даже истинно. Однако – если я вам не сильно докучаю своими расспросами – если эти две религии, и другие тоже, рождены одной божественной силой, то почему в некоторых частях их доктрины противоречат друг другу, а их приверженцы ненавидят друг друга? Признаюсь, этот вопрос уже не первую ночь не дает мне покоя. И действительно ли один и тот же дух одухотворяет разные религии, которые существуют в одно время? Разве может одна-единственная душа одновременно оживлять разные тела? Поверьте, таинственный друг, я расспрашиваю вас не ради того, чтобы поспорить с вашими рассуждениями, которые своей разумностью превосходят всё, что я когда-либо слышал. Я лишь хочу, если это возможно, побороть свои сомнения, которые, как медленный огонь, разрушают с течением времени крепость моих убеждений...

– Я буду с тобой искренен, Пабло Симон. Давай попробуем превратить свинец этих сомнений в золото правильного знания. Начнем по порядку. Ты говоришь, что существуют религии, которые противостоят одна другой, а их приверженцы ненавидят друг друга. На первый взгляд, приходится согласиться с этим, поскольку именно так это и видится. Однако я спрашиваю тебя: действительно ли они противоречат друг другу в главном, или это касается только второстепенных элементов, добавленных к основному корпусу религии позже? Например, иудеи придают огромное значение обряду обрезания, а христиане его запрещают и скорее готовы увидеть своих детей мертвыми, чем подвергнуть их такому ритуалу. Но разве обрезание – это главное в религии Моисея? Или же это второстепенная деталь, имеющая скорее физиологические, чем духовные обоснования? Однако, попав в руки невежественных священнослужителей и фанатиков, она превратилась во что-то первостепенное. Про обрезание ничего не написано на Скрижалях Завета, которые, согласно традиции, Моисей получил на горе Синай, или Лунной горе. А разве в тех частях Евангелий, которые у разных авторов совпадают (то есть в тех частях, которые с большой вероятностью отражают действительные слова Иисуса), что-то говорится про обязательность или запрещение этого ритуала? Ты сам прекрасно знаешь, что нет. Нет необходимости приводить цитаты, ибо каждый может взять Библию и убедиться в этом сам. Мир устал от цитат, проповедей, церковных соборов и «священных войн». Людям необходимы дела, поступки, реальность. Если мы проповедуем кротость, то давайте не будем подстрекать к войне, и подстрекать не только мужчин, но и женщин, и детей, как случилось во времена Крестовых походов. Если мы называем себя смиренными последователями Иисуса Христа, то нам, по меньшей мере, не приличествует пылать гневом и не подобает купаться в роскоши рядом с теми, кто изнурен голодом и холодом, среди нищих рабов, которые годятся лишь на то, чтобы замешивать хлеб для тиранов... Если все мы – братья по вере Иисуса, который, как ты знаешь, прошел обрезание, то не будем придавать значение мелочам и не будем изгонять действительно способных людей с важных должностей в пользу своей родни. Сегодня произвол приобрел такой размах, что даже профессиональных убийц и публичных женщин наделяют почетными званиями в обмен на их деньги или их любовь.

Голос этого обычно спокойного человека дрожал от волнения. Во времена чудовищной несправедливости, когда на кострах сжигают больных людей и детей, страдающих эпилепсией, очень сложно сохранять взвешенный взгляд, абсолютную невозмутимость.

Минуты молчания милосердным саваном укрыли мрачные воспоминания собеседников. В ушах у них все еще звучали крики сына сапожника: «Мама, мама, я горю!» В своем воображении они снова видели женщину, которую копьями заталкивают в костер, безжалостно тыча острием в почерневшее, объятые огнем тело.

– Мы немного отклонились от темы, Пабло Симон; давай вернемся к...

Он оборвал фразу и резко встал. Пабло Симон проследил его взгляд и увидел, что к ним сломя голову бежит один из братьев, большими скачками перепрыгивая препятствия. А в это время остальные быстро и безмолвно спустились в замаскированные входы-ловушки.

Они были похожи на привидения, исчезающие в трещинах своих склепов.

– Брат, брат! Где брат Двенадцатый? А где Шестнадцатый?

– Думаю, возле колокольни... А что случилось? Ты выглядишь очень встревоженным, дорогой юноша.

– На то есть причина, брат Одиннадцатый. Многочисленные группы вооруженных людей перекрыли все подходы сюда, а по старой дороге через западные ворота движется отец Педро во главе отряда из пятидесяти вооруженных до зубов отборных солдат инквизиции. Они вот-вот будут здесь!

Брат, что принес эту зловещую весть, мгновенно скрылся в направлении полуразрушенной колокольни.

Пабло Симон, который все слышал, увидел вдалеке на дороге колонну людей. Он заметно помрачнел и сжал зубы.

– Смотри, Пабло Симон, – спокойно и привычно мягко сказал ему человек в капюшоне, – я могу разобраться с этим. Но если увидят тебя, ты пойдешь на костер.

– Ну и пусть! Я не могу оставить вас одного с этими убийцами.

– Тише! Беги же, а то будет поздно!

– Нет! И горе тому негодяю, который тронет вас или обидит.

– Я говорил тебе, что стремлюсь основывать наш союз на любви, а не на ненависти...

– Моя ненависть – это любовь к человечеству! Я не святой, я ненавижу душегубов!

– Хватит! Они уже здесь. Быстрее прячься, где сможешь. Замри и молчи, и пусть тебя не слишком удивляет то, что ты увидишь. И помни: если ты убежишь, братья нашей ложи не позволят тебе выдать нас...

– Я останусь здесь не из страха, а по доброй воле... Не знаю, кто вы, но пусть вам повезет!

Пригнувшись к земле, он отбежал на несколько шагов и нырнул в щель между обломками стены. В это время к человеку в капюшоне молча присоединились двое братьев.

Шагах в ста от них зажглись несколько факелов, и группа людей миновала полуразрушенную стену, окружавшую старый замок. Пабло Симон, наблюдавший за происходившим из расщелины в толстой стене, видел, как братья спрятали под камнями свои плащи и подпоясались шнуром, тут же став похожими на обычных священников. А может, так оно и было?

В свете десятков факелов холодно блестело оружие подходивших к ним людей. Среди них юноша сразу узнал отца Педро. Высокий грузный священник шел растопырив руки, чтобы сохранить шаткое равновесие на обломках, покрывавших старинный пол. Свет факелов, казалось, делал красное лицо дородного клирика еще краснее, черты его были мелкими: маленький нос, вялый подбородок, глазки, зло блестевшие из глубоких морщин. Он не был человеком высоких идеалов или большого ума, однако ему нельзя было отказать в смекалке и находчивости, так что на каком-то этапе он мог стать опасным противником.

В этот момент первые люди с факелами приблизились к тройке братьев ложи. Пабло Симон едва смог сдержать возглас удивления: таинственный человек в капюшоне, с которым он беседовал, оказался хорошо знакомым ему в мирской жизни отцом Матео.

– Вот почему я узнал его голос! – прошептал молодой человек.

Двух других он знал лишь в лицо, они служили в новой часовне в горах.

– Отец Педро! Что это за демонстрация военной силы? – спросил отец Матео, кивая в сторону упавшей колонны, где, опершись на мушкеты, стояли два солдата.

– О, это же отец Матео! Вижу, вы здравствуете, – съязвил тот.

– А что случилось? Неужели моя жизнь в опасности?

– Не могу этого утверждать, однако прокурор инквизиции Лонгин, который прибыл с нами, имеет определенные подозрения.

Из тени в свет факелов вышел сам Лонгин. Высокий, худощавый, весь в черном, с черными блестящими глазами, он оправдывал свое имя – «рожденный ранить».

– Отец Матео, с благоволения нашего Господа я узнал, что в этих местах собирается для своих ужасных вакханалий братство безбожников.

Брат Одиннадцатый едва не рассмеялся, но сдержался и продолжал слушать прокурора:

– Мы переживали за вас, ибо сегодня пятница, а именно в этот день они обычно собираются. Знаю, что вы с братьями часто навещаетесь в эти руины, чтобы предаваться размышлениям. Я по настоянию нашего заботливого отца Педро привел сюда своих людей...

– Благодарим вас, Лонгин, однако мы не слышали и не видели ничего необычного, – вмешался в разговор один из братьев ложи.

– В любом случае, Лонгин, думаю, следует внимательно осмотреть все потайные места, вдруг вы найдете какого-нибудь безбожника, который здесь прячется. Что вы на это скажете, отец Матео?

– Не буду возражать, отец Педро. Если так велит ваше сердце – пожалуйста.

Вооруженные люди разделились на небольшие группы по пять-шесть человек и исчезли в руинах. Несколько из них остались возле клириков.

– А что является предметом ваших размышлений, отче? – с насмешкой спросил отец Педро.

– Совесть, – ответил отец Матео. – Разве вы не знаете, что этот внутренний голос, наш добрый советчик, – примерно то же, чем был Христос для апостола Павла? Он живет в душе каждого, и его следует освободить.

– Ох, отец Матео, вы всегда были философом. Но нужно меньше философствовать, а больше верить, ведь если совесть человека – это что-то большое, то совесть всей Святой Церкви – еще больше. Нам нужно лишь повиноваться ее правилам, ибо она есть отражение Бога на земле, а человеку не подобает тягаться с Богом.

Матео кусал губы, слушая эти рассуждения, продиктованные корыстью, а не поиском истины; они призваны были поддерживать то политическое устройство и тот социальный порядок, которые были весьма выгодны отцу Педро.

Несколько минут прошли в молчании. Трое заговорщиков героически старались казаться спокойными, пока солдаты инквизиции, набранные из профессиональных бандитов и головорезов, сновали возле замаскированных входов в подземелье. У Матео был еще один повод для беспокойства – Пабло Симон. И больше для того, чтобы скрыть свое волнение, чем из желания поговорить, он неожиданно спросил отца Педро:

– Не жалеете, что пришлось идти сюда, покинув теплый очаг в приходе?

Его собеседник присел на колонну, все еще шумно дыша и барабанил пухлыми пальцами по животу, и ответил:

– По правде говоря, я предпочел бы доброе вино из моей бочки этому холодному и сырому воздуху.

– Не следует забывать книгу Исайи, где сказано, что вино может погубить даже пророка, – не сдержался самый молодой из братьев, проявив неосмотрительность.

– Есть много вещей, которых следует остерегаться больше, чем пророчеств Исайи, – прозвучал раздраженный ответ. – Лонгин, лично отбери дозорных, пусть перевернут здесь все плиты во дворах, осмотрят подземелье, поднимутся на башню!

– Будет сделано, отец Педро.

Ум этого приходского служаки работал лучше, когда от него требовалась реакция, а грозящая неудача пробудила в нем чуткий инстинкт охотничьей собаки.

Матео еще больше забеспокоился, хотя и знал, что в доступных подземельях братьев не найти, даже если постараться.

Грохот переворачиваемых камней и плит эхом разносился в темноте, как шум далекой битвы.

Наконец, когда солнце уже поднялось над горизонтом градусов на десять, вернулся Лонгин в испачканной одежде, с расцарапанными в кровь руками.

– Нет тут никого! Мы обшарили все подземелья, там полная разруха и ни души. Никаких следов безбожников. Отец Педро, мои люди устали, раздражены и хотят пить. Прикажете прекратить эти бесполезные поиски!

Два десятка разбойников за его спиной загудели, по-звериному поддерживая просьбу своего предводителя.

Отец Педро, тщеславный и жестокий, опирался на этих людей и потакал им, осыпая подарками и разного рода маленькими радостями. Поэтому его решение было предсказуемо.

– Проклятые псы! Наверное, они заметили, как мы приближаемся, и сбежали. Собирай своих людей, Лонгин, и веди нас в приход.

Толпа одобрительно заревела, и головорезы радостными завываниями сообщили новость своим товарищам, которые все еще рыскали в отдалении.

Трое братьев ложи вместе со всеми быстрым шагом двинулись в городок, а в руинах осталось несколько человек, которые должны были нести дозор, пока не придет смена или пока ситуация не определится.

Пабло Симон целый день оставался практически неподвижным, заживо замуровав самого себя. Расщелина, в которой он прятался, находилась в римской стене трехметровой толщины. Он тщательно заделал края расщелины с обеих сторон, одновременно засыпая ее обломками камня.

Сделав таким образом свою щель меньше, он дождался, пока сумерки не стерли краски с пейзажа вокруг, и, пытаясь не шуметь, выбрался из своего заточения.

Неподалеку несколько гвардейцев инквизиции болтали, согреваясь жидким огнем – настойкой из большой бутылки.

Он едва мог двигаться – от долгого сидения в столь неудобной позе затекли ноги. Со всеми предосторожностями юноша добрался до одного из потайных входов, где дверью служила тяжелая каменная плита. И убедившись, что его никто не видит, постучал, как это не раз делали на его глазах братья. Он подождал некоторое время, но снизу не донеслось ни единого звука. Попробовав отодвинуть плиту, он понял, что ее закрыли на тяжелые засовы, а с ними не справилась бы и сотня человек.

Приближавшиеся шаги одного из солдат заставили его метнуться в углубление старинного портала. Оттуда ему было видно, как блестящие сапоги выдавливали в земле еле заметное напоминание о себе. Когда шаги солдата стихли вдали, Пабло Симон осторожно выбрался из укрытия и вернулся к плите. Он еще раз постучал маленьким камешком, но ответа опять не было. Он снова попробовал сдвинуть плиту, и, к его неописуемой радости, она немного поддалась безо всякого шума. Молодой человек замер, отошел на несколько шагов и внимательно огляделся. Вокруг не было ни души, ближайший костер горел метрах в двухстах от него. Он вернулся к потайному входу и так быстро, как смог, немного отодвинул плиту, чтобы пролезть через отверстие. Внизу царили густой мрак и тишина. Пабло Симон спустился на несколько ступенек и остановился, чтобы задвинуть плиту на место. И когда ему это удалось, сошел по оставшимся ступенькам в галерею. Неожиданно сбоку распахнулась дверь, и в исходившем оттуда свете стало видно, что его окружило тесное кольцо людей в капюшонах, а несколько шпаг медленно приблизились к его телу.

– Ты один? – спросил кто-то.

– Вы же видите. Опустите шпаги, братья! Мне удалось обмануть людей Лонгина... После того, как я узнал вас, меня совсем не влечет обычный мир.

Острия шпаг не шевельнулись, и тот же самый голос произнес:

– Говори правду! Если гвардейцы поблизости, то тебя наверняка видели и выследили. Нам надо это знать, и если так – мы завалим эту галерею камнями и собьем их со следа. Если ты сбежал от них – то должен рассказать, как это получилось!

– Повторяю – никто за мной не гнался. Я двадцать часов провел на ногах в укрытии, лишь бы не навести их на след... Только не знаю, как там отец Матео... Братья, сжальтесь, позвольте мне отдохнуть!

При этих словах бедного страдальца шпаги опустились, и один из братьев, возможно старший, повел его в ближайшую келью.

– Ты должен простить нас за такой прием, милый юноша, ибо Иисус также учил защищать все благородное от посягательств зла. Для нас братство является чем-то более благородным и гораздо более христианским, чем другие общины, исповедующие бездумное идолопоклон-

ство и кровожадный фанатизм. Это пристанище для немногих истинных христиан, которые, даже будучи гонимы и истребляемы, сохраняют неоценимую привилегию оставаться добрыми, искренними и свободными от ненависти к тем, кто ощущает Бога не только через нашего дорогого Учителя, но и с помощью Моисея, Платона, Мухаммеда или кого-то еще. Все они советуют практиковать добро и добродетель... А теперь отдохни и поешь, а потом тебя проводят в твою келью – и отсыпайся сколько захочешь. Возможно, брат Одиннадцатый вернется завтра.

Устроившись на деревянной скамье, Пабло Симон опустошил большую миску супа с хлебом и выпил несколько чашек воды. Потом лег, не раздеваясь, на скромное ложе и провалился в глубокий сон...

– Добрый день, Пабло Симон.

Без капюшона было видно, что лицо отца Матео освещает прекраснейшая из его улыбок. Светло-каштановые, почти рыжие волосы, серые глаза и белая, как облатка для причастия, кожа делали его похожим на скандинава, хотя на свет он появился на побережье Средиземного моря. Он принадлежал к тем особым людям, которые везде в своей стихии – и служа мессу, и управляя судном, и руководя войсками. Ему было около пятидесяти, однако на вид он был ненамного старше Пабло Симона и с высоты своего роста излучал настоящий оптимизм.

– Отец Матео, доброго вам здоровья! Как вам удалось ускользнуть от отца Педро и Лонгина? А братья тоже вернулись?

– Сколько вопросов сразу! Да, когда-то я тоже задавал массу вопросов... Все хорошо. Отец Педро думает, что я прогуливаюсь в горах, а Лонгин, который ненавидит меня едва ли не больше священника, не имеет никаких фактов против меня и вынужден ждать, пока я не допущу какую-нибудь ошибку. А тебя никто не видел?

– Нет. Я прятался до самой ночи. Однако отец Педро что-то подозревает... Мне кажется, что всем нам грозит большая опасность...

– Не преувеличивай. Я имею связи в курии, и эти люди лишают наших врагов свободы действий. Они сеют раздоры между ними, натравливают одних на других. Есть у них такой недостаток – большая любовь к золоту, богатому столу и служанкам. Все это, как ты знаешь, оборачивается их слабостью и делает их уязвимыми.

– А есть в тайных братствах кардиналы и епископы?

– Конечно, есть, и их намного больше, чем ты можешь себе представить.

– Но почему же тогда продолжает действовать инквизиция, почему высасывают последние средства у невинных людей, поработанных страхом и предрассудками? Почему не принести на Запад истинное христианство, разумное и доброе?

– По той простой причине, что в Божьих намерениях – приберечь эти улучшения на будущее. наших противников в сотни раз больше, да и в политико-экономических средствах у них такое же преимущество.

Брат Одиннадцатый помрачнел, а на лбу, покрытом тонкой паутиной морщин, явно проступили озабоченность и боль.

Уже одетый, Пабло Симон прошел с ним по галереям в келью-библиотеку. Спустя десять долгих минут наставник прервал молчание, проронив печальные слова:

– Очень больно это признавать, мой милый юноша, однако большая часть людей тоже против нас... Крестьянам и ремесленникам – людям с добрым сердцем, но невежественным и ожесточившимся вследствие религиозного фанатизма и политического террора – ближе тот символ веры, который гласит: «Вступай в воинство инквизиции, и тебе будет позволено свободно убивать, грабить неверных, прелюбодействовать. Тебе простится все, ибо ты делаешь это, служа Господу». Ужасно, как много людей поработано во имя свободы! Как много крови пролито под девизом милосердия и смирения! Погребальный костер из тел мудрецов, принесенных в жертву во имя мудрости, так велик, что достает до облаков!

Священник снова умолк, и постепенно черты его лица обрели обычную мягкость и доброту. Он пригласил Пабло Симона на ужин к себе в келью.

Комната отца Матео была не богаче, чем комната молодого химика, ее размер и убранство были почти такими же: кровать, пара жестких стульев да простой стол, какие стояли во всех деревенских домах. Стены были увешаны многочисленными пергаменами и деревянными табличками со священными надписями и символами.

Обстановка напоминала строгий монастырь: просто и скромно, без излишеств, но, в отличие от монастыря, здесь не чувствовалось уныния, а умеренность не была показной. Гравюры и рисунки были выполнены с исключительным мастерством, а над кроватью, покрытой соломенным тюфяком, висел развернутый куб из литого золота в форме семеричного креста.

Один из братьев ложи принес плотный ужин, который они съели с большим аппетитом.

– Через три часа я должен вернуться в свой приход, – негромко произнес брат Одиннадцатый.

– Ох и зол же будет отец Педро!.. Отец Матео, вы сегодня говорили об идолопоклонстве...

– Прости, что перебиваю, но очень тебя прошу, не называй меня отцом, ибо все мы дети одного Отца – Бога. Я твой брат... Если я стану твоим учителем, можешь говорить мне «отец», но скорее в духовном смысле слова.

– Вы правы, но порой привычка бывает сильнее, чем лавина, чем бурный поток.

– Обычаи и привычки – это моральные потоки, и нужно строить дамбы разума, чтобы направлять эту силу в русло правильного действия и распознавания.

– Так и есть. Брат, я спрашивал вас про идолопоклонство. Отец Педро и другие в своих проповедях обвиняют тех, кто поклоняется образам, в ложной вере, но разве поклонение наших правоверных статуям дев и святых не похоже на идолопоклонство?

– Не просто похоже, это оно и есть; преступление – это преступление, как здесь, так и в Китае, и не важно, одет ли преступник в черное, белое или красное. Критиковать других, ничем от них не отличаясь, – подло и низко. В христианстве везде, в любой из его сект есть явные признаки идолопоклонства. В апологетике сказано, что истинно верующие через статуи святых и священные реликвии молятся единому Богу; будь так, христианину было бы не важно, стоит ли он перед статуей святого Игнатия или Девы Марии Скорбящей. Но на самом деле все иначе: каждый почитает одного или нескольких святых и не готов поклоняться какому-то другому святому, которого, возможно, выбрал для себя его брат или отец. Получается, весь народ верит в какие-то второстепенные божества, которые, по его представлениям, помогают приблизиться к единому Богу, и даже выбирает для себя личных или семейных полубогов.

– Это самое настоящее идолопоклонство.

– Ты прав, Пабло Симон, но если бы этим все ограничивалось, то было бы еще не совсем идолопоклонством; пожалуй, это больше напоминало бы чувственный пантеизм.

– Да, действительно...

– Все гораздо хуже; одного и того же святого обычно почитают в тысяче разных образов; но попробуй поменять местами иконы или скульптуры из двух разных деревень – и ты увидишь, как «истинно верующие» отвергнут чуждые им изображения и потребуют вернуть свои, поскольку те якобы наделены чудодейственной, как правило целительной силой. На церковном совете мы часто сталкиваемся с одной проблемой: некоторые образы изнашиваются настолько, что чуть ли не разваливаются на куски, но заменить их невозможно, ведь среди верующих могут начаться волнения. И эти представления нельзя приписать фанатизму народных масс, их внушили людям почитатели древнего афоризма: «Одним мудрецом управлять гораздо сложнее, чем тысячей невежд». Обычно церковные авторитеты, проповедуя одно, поступают совсем по-другому: изливая хулу на идолопоклонство, сами и порождают его, причем в весьма грубой и примитивной форме... Ты слышал про так называемых «черных мадонн»?

– Да, они считаются чудотворными, а некоторые из них – божественного происхождения...

Священник не сдержал улыбки, и в словах его послышалась ирония:

– У человеческой Судьбы прекрасное чувство юмора! Так вот, Пабло Симон, эти статуэтки из дерева или черного камня появились во времена язычества. Большинство из них – статуи богини Астарты, их создали в эпоху Римской империи, но есть и изображения особых божеств, имена которых благоразумнее не разглашать. Им более десяти тысяч лет, они принадлежат исчезнувшему культу, который существовал на последнем осколке континента атлантов – острове Посейдонисе и на соседних островах. Эти статуи действительно имеют сильный энергетический заряд, они были заряжены магическим способом благодаря знанию законов Природы и психологии, знанию, которое сегодня утрачено всеми, кроме немногих. Одну из подобных статуэток вынесли на берег морские волны, там ее и нашли и теперь используют, ничего не зная о ее происхождении. Видишь, иногда даже Божественное позволяет себе пошутить... Сегодня ей пылко поклоняются как христианской реликвии... Но даже не сомневайся: под маской того или иного святого сейчас ценится лишь собственная безопасность; от святых требуют покровительства, жизни для друзей и смерти для врагов. Разве просят о чем-то ином, освящая оружие перед сражением? Говорят, нет более мрачного и омерзительного зрелища, чем труп человека, но уверяю тебя, о стремящийся к истине, что еще страшнее и отвратительнее выглядит труп религии. В ее мертвой плоти зарождаются духовные черви, и вскоре от ясного ума, светлой обители разума, остается лишь раковина бесформенного ядовитого моллюска. К нашему сожалению, некоторые религии рождаются почти мертвыми, ведь всего через несколько лет после их появления от их имени начинают творить чудовищные вещи... Что ж, мне пора... Замучив разговорами, я научу тебя не тянуть меня за язык, – добавил он с улыбкой.

Через несколько минут он снял свою тунику и надел облачение обычного клирика; внешне он снова стал отцом Матео.

Чем тише звучали шаги доброго наставника, тем слабее становились для Пабло Симона внешние ощущения. В его обнесенном стенами внутреннем убежище росло страстное, неудержимое желание духовного свершения. Он хотел бы пройти посвящение в Мистерии! Да, всего несколько месяцев назад жизнь не давала ему никакой надежды, достойной того, чтобы ее лелеять, и вот теперь в нем поселилось самое лучшее стремление, доступное человеку, стремление к тому, о чем говорили все Учителя, все религии: к Духовному Совершенству.

Жизнь молодого человека потекла своим чередом; все, что его окружало, дышало благородством и чистотой. Еще прежде, в своей химической лаборатории, он научился работать последовательно, но эта методичность была инстинктивной, обыденной. А в криптах «Руин» его труд носил в большей степени духовный характер: сами усилия были такими же, но их направленность удивительным образом отличалась. Один день не походил на другой, и каждый его чему-то учил, а душа, вкушая мистические блюда спокойствия, мудрости, красоты, росла здоровой, жизнерадостной и сильной.

Спящие побеги на верхушках деревьев разомкнули свои веки, и прикосновение солнца наполнило стволы и ветви новыми жизненными соками. Пабло Симон любовался окружающим его миром, будто видел в первый раз; его, словно маленького ребенка, все завораживало и восхищало. Он мог часами наблюдать за тем, как быстро растут грибы, как возвращаются домой ласточки, или слушать странные голоса, доносившиеся грозовой ночью из сосновых крон.

Но при этом влюбленный в истину разделял роковой и неизбежный удел всех влюбленных: он не только наслаждался, но и страдал... Ему не открывался абсолютный смысл всего этого средоточия сил и совершенств, коим является Природа. А для человека нет ничего хуже, чем не видеть цели и смысла добра и красоты. Ведь так он незаметно приходит к нелепому и подлинно атеистическому понятию личного Бога, способного радоваться или огорчаться; Бога капризного, который может поддаться гневу, который избирает одни народы и ненавидит дру-

гие, – иными словами, еще более ограниченного и злого, чем простые смертные, которые, тоже будучи родителями, дарят любовь всем своим детям.

Пабло Симон сбросил умственные и психологические оковы, которые ему навязывали в течение многих лет, но, разрушив свою старую духовную хижину, очутился под открытым небом, у стен великолепного дворца, выстроенного лишь наполовину. Душа, проделавшая слишком долгий путь, чтобы поддаваться материализму или бесплодному культу тоски и отчаяния, ждала... Таинственное «нечто» вело ее к еще более таинственному «Тому»...

Деревья, пробудившись в новом цикле физического сознания и обнаружив свою наготу, поспешно надевали наряды из листьев. Солнце с каждым днем приближалось к зениту, и мириады полевых цветов совершали такое же замечательное усилие – стремились вверх, к свету.

В один из самых ярких солнечных дней Пабло Симон собрал в кулак всю свою смелость и предстал перед братом Одиннадцатым с просьбой по всем правилам принять его в ложу в качестве ученика. От одной только мысли, что ему могут отказать, у молодого человека дрожали руки и терялся дар речи.

Брат Одиннадцатый сначала предельно мягко и доброжелательно похвалил его за такой достойный шаг, но потом предостерег:

– Избранная тобой дорога проходит сквозь тернии; ты не сможешь их избежать, даже наш Учитель Иисус Христос не смог. Будучи великим наставником в Мистериях, он должен был в равной мере учиться, сражаться и страдать. Послушай, Пабло Симон, если ты не в силах противиться любому налетевшему на тебя желанию, если желания правят тобой, а не ты ими, если сыновей из плоти и крови ты ценишь больше, чем духовных детей, если хочешь спокойно умереть в своей постели – беги с этого узкого пути, ибо сильным он дарует славу, но слабых сводит с ума и низвергает.

Солнце, словно обессилив, упало за вершины гор. Укрывшись в руинах, они молчали. Брат Одиннадцатый погрузился в свои размышления, а Пабло Симон был поражен тоном и силой слов наставника. Некоторое время спустя, будто пытаясь немного смягчить свое предостережение, человек в капюшоне добавил:

– Хотя некоторые из нас, выбрав этот путь, уже многие годы идут по нему без особых затруднений... и очень счастливы...

Пабло Симон поднял свой взгляд; в глазах наставника было столько спокойствия, что он вздрогнул от страха перед неизвестностью. Какие враги подстерегают его на «Трудной Стезе»? Хватит ли ему храбрости? Не слишком ли поздно вставать на этот путь?

Ответы брата Одиннадцатого не заставили себя долго ждать:

– Запомни: даже самый слабый, соединяясь с Божественным, становится сильнейшим, даже один он будет в большинстве против всех остальных. Твой физический возраст благоприятствует тебе. Человеку свойственна ошибка впадать в крайности, так что не думай, что посвящение – дело простое, но не думай также, что оно чрезмерно трудно.

Молодому человеку оставалось только изумляться, насколько легко читались его мысли.

– Здесь нет ничего сверхъестественного; конечно же, каждый наставник читает в душе своего ученика, но скорее в силу собственного ученического опыта, чем благодаря парапсихологическим способностям... Не пугайся таинства, стань его возлюбленным сыном: знай, что величайшее таинство, корень всех тайн – это неизменный и неподвижный двигатель вселенной, и приблизиться к нему можно только с помощью мудрости. Действие и бездействие, добро и зло, все видимые и невидимые царства Природы – всего лишь поле деятельности, лишь пути, длинные или короткие, но неизбежно ведущие к мудрости.

– Но вы призываете к добру и, что еще важнее, делаете добрые дела. А может ли зло тоже вести к Богу?

– Нет, если под Богом ты понимаешь высшее Благо; но рано или поздно зло неизбежно должно трансмутировать. Добро – это зло, трансмутировавшееся благодаря эволюции, а зло – это добро, павшее под действием инволюции.

– Тогда получается, что по сути своей Доброе и Злое это одно и то же?

– А разве могут существовать две абсолютные субстанции? Разве могут сосуществовать две абсолютные силы? Ты же знаешь, что нет. Все главное, основное непременно должно быть единым.

– Значит, почтенный брат, добро и зло – это одно и то же, и суть их одна?

– Суть одна, но она находится за пределами добра и зла в том смысле, какой мы придаем этим понятиям исходя из нынешнего состояния нашего ума. Она лежит, как бы это сказать, «по другую сторону» всего проявленного. И как бы ни хотели любители логики все свести к понятному и разумному, такова очевидная истина Природы, а мистическая аскеза это подтверждает. Собака – домашнее животное и друг человека, и мы называем ее хорошей; лев, напротив, кажется воплощением дикости, он, если бы мог, разорвал бы и пожрал всех людей вокруг, и мы говорим, что это вредное, злое животное. Но действительно ли лев и собака хорошие или плохие? Не будет ли это просто-напросто нашей эмоционально-ментальной оценкой, даваемой по внешним проявлениям, совершенно априорно? Разве пес является «хорошим» по отношению к своим жертвам, или к животным, которых мы убиваем, чтобы его накормить, или к тем существам, которых он выслеживает на охоте и предаёт в руки убивающего их человека? С другой стороны, разве лев причиняет зло деревьям, скалам, бабочкам?

– Брат, но разве можно сравнивать скалу и человека? Разве человек не бесконечно более ценен?

– На твой взгляд – может быть, но не с точки зрения Божественного, правящего нами.

– Простите мою настойчивость...

– Меня заботит только, чтобы эта настойчивость была вызвана жадной мудрости.

– Я лишь хотел сказать, что вы же сами утверждали, что мы способны воспринимать лишь проявленное, имеющее форму. Как же тогда познать замысел Бога, или Божественного, как вы его называете?

– Бог, которого ты, вероятно, представляешь себе, опираясь на общепринятые концепции, – не совсем то же самое, что Божественное, о котором говорю я, но в данном случае это не важно. Хорошо, а как ты узнаёшь политические взгляды своих соотечественников?

– По тому, что они говорят, пишут или делают.

– А чьи-либо кулинарные предпочтения – по тем кушаньям, которые он подает на стол?

– Кажется, я понимаю, к чему вы ведете...

– К истине, Пабло Симон! Замысел Божественного ты можешь познать точно так же, как в этих примерах: по его творениям. Солнце согревает всех, и все бескрайние запасы природных ресурсов дополняют и уравнивают друг друга таким образом, чтобы каждому их хватало для развития. У хищников в избытке добычи, у птиц – зерен, у камней – химических элементов, тепла и давления. Природа не знает пристрастий. Нам отвратительна пища шакала, а ему были бы противны наши изысканно приправленные блюда.

– Я согласен, но является ли разум преимуществом?

– Для человека это дар и преимущество, поскольку у него есть соответствующие проводники – физический, эмоциональный и ментальный; но был бы разум так же полезен другим творениям Природы, не подготовленным к этому? Разве бомбарда не является в руках взрослого человека средством защиты, а в руках ребенка или безумца – источником опасности?

Пабло Симон ощутил, как на него начали опускаться удивительная ясность и спокойствие, отблески которых он всегда ощущал среди сверкающих космических листьев древа ночи. Это «нечто», которое он много раз предчувствовал, приближалось к нему, и с каждым

шагом в его сторону усиливались ожидание и надежда. Наконец он решился задать еще один вопрос.

– Скажи, о мудрый брат, появляется ли божественная искра разума благодаря совершенствованию этих проводников, или эта искра сама шлифует их? Другими словами, присущ ли разум потенциально всем существам, даже животным, или он сходит с Небес как награда?

– Милый юноша, скажи, прокладывает ли река сама себе русло, или благодаря руслу собираются слабые потоки воды и образуют реку?

– Станный вопрос! Я думаю, что обе причины дополняют друг друга.

– Правильно думаешь; но разве вода, которая в конце концов станет рекой, прежде не упала с неба? И разве закон, которым она была при этом движима, не соответствует зову необходимости и естественной воле всех вещей? Вот и ответ на твой вопрос: вода в облаках – это Разум, а лучше сказать – космический разум; река – разум человека; а русло – низшие проводники человека, которые вода наполняет и по которым она течет.

– Я понял тебя, брат, но как-то иначе, чем обычно; и я привыкаю понимать этим способом – не только умом, но и какой-то интуитивной силой, которая отзывается на твой голос.

– У слова «понимать» есть гораздо более широкое и действенное значение, чем принято думать. Знай, Пабло Симон, что во все времена все религии в своем изначальном состоянии считали, как считает и философия, что наша Солнечная система – это огромный организм; центром и сердцем его является Солнце, а планеты – его органы. Между ними происходит взаимный обмен изначальной энергией, и эта энергия, направленная однажды звездой-царем, течет по всем энергетическим системам артерий и вен до самых дальних пределов ее царства – тела. Дух, телом которого является эта система и «точка сознания» которого находится в Солнце, и есть наш Бог, единственный, кого мы можем воспринять нашими ограниченными способностями. В свою очередь, этот дух является учеником и частью другого, звездного организма, еще большего, а дух того, другого организма – это его Бог. Я весьма настоятельно советую тебе, прежде чем выносить какое-то суждение о том, что я тебе рассказываю, сделать усилие и избавиться от всех предубеждений и примитивного понимания, что возможно, а что невозможно. Запомни слова благого Учителя: «Как наверху, так и внизу»; об этом же говорили все Учителя до него и будут говорить всегда. Вспомни твоего любимого философа Платона, его слова «познай самого себя» дадут тебе ключ. Если ты изучишь, как твои тонкие принципы взаимодействуют с телом и влияют на его функции, ты без труда поймешь то, что я только что нарисовал тебе в бесконечно большем масштабе. Твое тело населяет множество существ... Постарайся открыть эту тайну... Не проси больше света, лучше избавься от слепоты!

– Все это так необычно...

– Да, ведь тебя воспитывали в других представлениях, которые давно потеряли силу из-за многочисленных искажений и вставок, и за ними ты не видишь единой структуры – той, о которой я тебе рассказываю. Но разбей свои ментальные оковы! Взлети, сын Неба! Очень спокойно обдумай всё и рассмотри целостно, а потом, если предпочтешь то, чему тебя учили прежде, можешь продолжать верить в это, я тебя принуждать не буду. Я не проповедую какую-то религию или какое-то учение, а изучаю их все, и меня интересует лишь общая для них суть. Я не навязываю тебе догму – я указываю тебе путь; я не жду от тебя подчинения моим мыслям – напротив, я взываю к твоему разуму и хочу освободить его; наконец, я не говорю ничего, что не считал бы истинным, и не требую от тебя большего, чем делаю сам. Поразмысли над этим, Пабло Симон, и, если к следующей весне ты будешь тверд в своем желании приобщиться к священной науке, к сокровенным Мистериям, я приму тебя в ложа и обниму как сына.

Глаза брата Одиннадцатого сияли в ночи блеском голубых звезд. Он положил руки на плечи собеседнику и сказал очень тихо, но так, чтобы дотянуться до глубин его души:

– Запомни навсегда то, что я сейчас говорю. У тебя есть один год; если в течение года намерение, которое ты мне сегодня высказал, изменится, никто из нас не будет в обиде. Я буду

любить тебя точно так же, и, весьма возможно, если пообещаешь не разглашать то, что видел и слышал, ты вернешься к прежней жизни, а здесь у тебя останется много преданных друзей. Но если ты решишь вернуться к обычной жизни в конце этого срока и после Посвящения или если будешь позорить братство, предупреждаю, лучше не решайся на это. Хотя даже в этом случае ты в любой момент можешь уйти, но данное тобой слово не должно быть нарушено даже под страхом смерти. Хорошенько об этом подумай, Пабло Симон!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.